

ЛЕОНИД ЮЖАНИНОВ

ВОЛОДЬКА

РАССКАЗ

Сбылись слова матери: “Вот намотаешь на кулак слез — пожалеешь!”

После окончания семилетки не пошел Володька дальше учиться. Как ни ругала мать, как ни плакала, как ни гнала в город на учебу, а учился он хорошо, в восьмой класс или техникум — уперся как бык, не пошел. Прикипел к деревне, остался работать в колхозе. На пятнадцатилетнего рослого подростка бригадир смотрел как на мужика, посылал его и пахать, и мешки таскать, на любые работы — наравне со взрослыми. За этот тяжелый труд получал Володька “шиш с маком”: немного ржаной муки, гороха да сена для коровы. В общем, трудодни-палочки!

А вскоре зачастили из города в село его бывшие одноклассники. Одежды — баско, по-городскому, а кто и в стилижных брючках да модных цветастых рубашках навывпуск. Посмотрел Володька на свои затертые серенькие штаны, доставшиеся ему еще от погибшего на фронте отца, да выцветший коричневый в полоску пиджачок, тоже память сгинувшего родителя, и пожалел, что не послушал тогда мать. Решил: “Пора рвать когти в город!”

Мать, маленькая, худенькая, затурканная нуждой, пошла к председателю колхоза просить справку о том, что сын ее отпускается из колхоза. Вернулась заплаканная: председатель справку не дал. Загорюнился Володька — без справки, как без паспорта, ни в одну организацию не примут. Значит, плакала сытая городская жизнь. А ему теперь тоже захотелось стать стилигой, ходить по чистым городским улицам в модных штиблетах с пряжками,

---

ЮЖАНИНОВ Леонид Фёдорович родился в 1941 году в селе Редикор Пермской области. Автор восьми книг прозы. Публиковался во многих столичных и региональных литературно-художественных изданиях. Автор журнала “Наш современник”. Член Союза писателей России. Живёт в городе Россоши Воронежской области.

завлекать симпатичных девчонок в юбках “колоколом”. “Я тебе говорила, — ругала его мать. — Иди учиться в лесотехникум. Так нет, не захотел. А теперь ты колхозник, из ямы этой не выкарабкаешься!”

Наступила зима. Бабушка, седая грузная старуха, заметила переживания Володьки и предложила: “Иди-ка, ты, внучек, в Зорянский леспромхоз. Найдешь там Устина Федосова, он там начальник, десятником робит. Скажешь, чей ты — он поможет. Он нам родня! Да не забудь, передай ему поклон от меня. А там, глядишь, и паспорт себе выправишь, вольной птицей будешь. Че тут в колхозе?! Ниче путнего не добьешься. Это уж нам деться некуда... А ты выюнош, как проложишь первую борозду, так и остальная жизнь пойдет — прямо или зигзагами. Иди-и, ищи свое счастье!”

И пошел Володька. Ранней зорькой с котомкой с плечами тронулся из села, отмахал сорок километров и к вечеру, усталый, добрался до Зорянки. Нашел дом Федосовых. Там без долгих расспросов приняли его. Накормили ужином, и он тут же, за столом, уснул — сморился.

Наутро повел его дядя Устин в дирекцию леспромхоза. Володька шел за ним и сильно сомневался, что тот сможет устроить его на производство. Был дядя Устин невысок, неказист, с круглым добродушным лицом, вот только глаза были примечательны: какого-то дымчатого цвета, с хитрецей, взгляд их был смел и притягателен. Уже десять лет прошло после окончания самой кровопролитной войны с немцами, а старые раны не давали дяде Устину забыть ее, особенно посеченная осколками нога. Ходил он прихрамывая, подпрыгивающей походкой, но быстро, в такт шагам подскакивали вверх торчащие, как у легавой, уши лисьего малахая. Володька едва поспевал за ним. У опрятного нового здания из отливающего желтизной соснового бруса остановились.

— Ты подожди здесь, я пойду к директору, — наказал Володьке дядя Устин и взошел на высокое крыльцо.

Дирекция леспромхоза располагалась на бугре. Перед Володькой открылась панорама поселка. Постройки были все деревянные, дома — из шпалевого бруса, бараки — из леса-кругляка. Улицы, крыши домов завалены снегом, перед фасадами, словно перины, белые сугробы. Чумазый гусеничный трактор с ножом впереди чистил дороги, тугая черная струя дыма вырывалась из его вертикального глушителя, мотор ревел на бешеных оборотах, разносил гул по всей округе. А в остальном властвовала первозданная красота лесного зимнего утра. Из печных труб курился сизый дымок.

Вскоре дядя Устин вышел, хлопнул Володьку по плечу, весело подмигнул:

— Определили тебя в бригаду дорожников, будешь с девками шпалы ложить.

В бригаде Володьке понравилось. На работу их возили по узкоколейке, паровоз “кукушка” тащил по заснеженному лесу три пассажирских вагона. Ездили на делянку вальщики и обрубщики сучьев, трактористы и чокеровщики, дорожники и накатчики бревен. Девки в вагоне пели. Володьку особенно трогала песня “Прокати нас, Петруша, на тракторе, за околицу нас прокати...”, уж больно нежно, задушевно они ее выводили.

Володька сидел у окошка, смотрел, как проплывают мимо раскидистые ели, дородные, в снегу, будто в белых шубах. Заячьи следы испятнали поверхность вокруг стволов, казалось, небесный ангел таинственным шрифтом написал послание людям. Длиннохвостые сороки прыгали с ветки на ветку, вороны при виде поезда недовольно каркали и улетали в чашу. Тишина и покой чувствовались во всем облике зимнего леса.

Особенно, приглянулась Володьке “кукушка”. Был паровоз какой-то удлиненной конструкции, с высокой трубой, из которой хлопотливо выскакивал черный дым, а когда “кукушка” разгонялась, то этот дым стлался по ветру, точно грива породистого жеребца. Паровоз был красив: сам черный, тонкие колеса по ободку красные, штоки привода сияли белизной, впереди — алая звезда, да и все формы его казались Володьке идеальными. Возил он за собой два-три вагона леса, при отправлении, остановке, каких-то опасностях давал громкий отрывистый гудок “ку-ку”, за что его и прозвали “кукушкой”.

Работа оказалась несложной, но тяжелой и нудной. Их бригада строила железную дорогу вглубь лесосеки. Володьку поразило то, что она укладывалась прямо на снег. Вначале утаптывали ногами, трамбовали деревянными колотушками снег, затем клали на него шпалы, на них — рельсы. Володька быстро освоился: таскал деревянные шпалы, цеплял проволочным крючком рельсы, вместе со всеми поднимал и укладывал их, затем увесистым продолговатым молотком на длинной ручке забивал костыли в шпалы — крепил рельсы. В бригаде, за исключением его и глухонемого мужика, работали девки. Все они были лет восемнадцати-двадцати, веселые, разбитные, за словом в карман не лезли. К нему они отнеслись снисходительно: “Салажонк, что от него толку...”. Володьке тоже ни одна не понравилась. А вот на бригадире, звали ее Оксаной, он боялся глаз поднять, до того она ему приглянулась. Она отличалась от остальных девок бригады — высокая, в теле, с гордо посаженной головой. Ему казалось, что под шалью у нее корона из туго заплетенных кос. Женственность проступала во всех чертах ее лица, а черные глаза притягивали к себе какой-то магической силой. “Черный бриллиант!” — мысленно окрестил ее Володька, начитавшийся в деревне любовных книжек. Приехала она в леспромхоз на заработки с Украины. Была старше остальных девок, и чувствовалось — они побаиваются ее.

Стеснялся, конечно, Володька, но поднимал глаза, искал взглядом глаза бригадира, и, когда находил, не мог отвести, и когда в ответ любопытно-ласковый взгляд ее согревал, сердце его начинало биться учащенно. Это походило на игру, было их тайной, но со временем взгляды стали регулярными, и, как показалось Володьке, она смотрела на него уже заинтересованно, тепло, и это, грезилось ему, обещало надежду на будущее...

Солнечным мартовским днем Володька иступленно махал молотком, бил по металлическим костылям, загонял их в просмоленное дерево. Неожиданно подошел паровоз, привез им шпалы. Все оставили свои дела, переключились на разгрузку. Но носить шпалы оказалось далеко — паровоз не дошел до конца рельсов. Бригадир пошла в голову состава, сказать машинисту, чтоб сдал назад. Даже в рабочей одежде: ватнике, стеганых брюках и валенках Оксана была привлекательной — Володька с любовью смотрел ей вслед. Вскоре она вернулась, неся в руке ведро с костылями.

— Никого нэма. В кабине одна эта цибарка. — Она поставила ведро. — Утекли куда-то, бисы!

Говорила Оксана на суржике — смеси русского и украинского языков. Речь ее была мягкой, певучей.

— Машини-ист!!! — сложила она руки рупором. — Ге-еть сюда!

Никто не отозвался. Тишина. Лишь шалун-ветер шумел в листве деревьев да равномерно отпыхивалась паром “кукушка”. Лицо Оксаны потемнело, она переживала — бригада простаивала. Она посмотрела на Володьку, поток отчаяния лился из ее глаз, этот взгляд заслонила от него все: и солнце, и зелень леса, и товарищей по бригаде. Сердце его всколыхнулось, кровь ударила в виски, необъяснимая сила сорвала его с места, бросила вперед.

— Куда-а ты?! Останови-ись! — почувяв неладное, закричала Оксана, а вместе с ней и девки бригады.

— Я сейчас. Я сдам назад! Я сейча-ас! — не отдавая отчета в том, что он делает, кричал Володька и бежал.

Вот и паровоз. Новенький, чистенький стоял он среди белых сутробов, как былинный конь Ильи Муромца, готовый поскакать за тридевять земель, и бодро отпыхивался паром. Володька взлетел в кабину. Ни машиниста, ни кочегара! “Сейчас я сдам назад. Оксана увидит, какой я молодец! Да и девки удивятся, перестанут звать меня салажонком. А че-е, тут в паровозе сложного-то, мигом разберусь, ездил же я в колхозе на тракторе — а тут бочка с дымом. Разберу-усь!”

Он стоял у рычагов, но какой нажать, не знал. Путаюсь, начал дергать все. Вдруг паровоз напряженно вздрогнул, пробуксовал колесами, сцепки вагонов застучали, и он поехал. Только не назад, а вперед! Володька лихорадочно стал шарить между рычагами, передвигать их, но паровоз не останавливался, все набирал и набирал обороты.

Володька глянул вперед — перед ним до самого горизонта расстилалась голубая тайга, смешиваясь с белым снегом, зелень деревьев светлела, приобретает нежный загадочный цвет. Солнце широко расстило свои лучезарные потоки по чистому небосводу. “Благодать-то какая! Просто-ор! — возликовала Володькина душа, и ему на мгновение стало радостно. — На каком коне еду! Гляди-ите, люди!..” Но людей никого не было. Никто не мог восхищаться его поступком. Оксана — сзади, тоже не видит... Это охладило его пыл, вернуло к действительности.

А паровоз все набирал скорость, дорога шла под горку, в широкий лог, вагоны напирала на него сзади, увеличивая бег. Володька двигал рычаги, пытался остановить состав, но безуспешно. Движение стало угрожающим: паровоз начал выхлеть из стороны в сторону, вагоны жутко гремели, дергались. “Ничего-о, — успокаивал себя Володька, — сейчас он спустится в лог, а в гору не вытянет, забуксует и...” Страшный удар не дал ему домыслить, он мгновенно схватился руками за что-то. Паровоз накренился и полетел под откос вместе с вагонами. Высокое облако снежной пыли поднялось над местом падения.

Минут через пять из перевернутого паровоза выполз перепуганный Володька. Лицо его было бледным, губы непроизвольно дрожали. Ощупал себя: руки, ноги целы. Потрогал на голове вздувшийся от удара в крышу паровоза волдырь — крови не было, снова натянул шапку. Огляделся. Паровоз лежал на боку, до половины врылся в снег, вагоны тоже опрокинулись, шпалы раскатились по целине. Видимых повреждений, поломок заметно не было, паровоз упал в двухметровый сугроб, как в пуховую перину.

Дядя Устин вел Володьку к директору.

— Не тру-усь! — успокаивал он его. — У нас такие аварии бывают. Ничего, тракторами-трелевочниками поднимут паровоз, подлатают — и снова в путь. Вот в конце этого месяца, начале апреля снег будет подтаивать, вот тогда “кукушки” и начнут валиться набок — успевай подымать.

Но директор думал по-другому.

— Хулиган, него-одник! Под су-уд отправлю! Что ты натворил — понимаешь?! Ты вывел из строя боевую, тьфу, че-ерт, производственную машину на несколько дней! — закричал он, только Володька переступил порог кабинета. — Под угрозой срыва весь месячный план леспромхоза по отправке древесины!

Директор, а это был здоровый дядька, с пышными усами, с пустым рукавом вместо левой руки, ударил ладонью по столу. Чернильница-невывайка подпрыгнула и покатила. Он поймал ее, поставил на место.

Володька повернулся, намереваясь бежать, но дядя Устин крепко ухватил его за рукав и тотчас пошел в атаку на директора.

— Иван Петрович, не шуми-и! Остынь! Мы с кем имеем дело?! С сиротой! Отец его сложил голову под Сталинградом, а мы его сына под су-уд?! Да как ты мог выговорить это подлое слово, однополчанин? Мы с тобой вместе проползли на брюхе от Москвы до Прибалтики, ели фронтovou кашу из одного котелка, сколько погибших наших солдат мы видели — целые поля трупов... Забыл, как мы клялись тогда, что будем помогать семьям погибших, поддерживать их детей? Он же еще ребе-енок!

Володька, открыв рот от удивления, слушал, его поразили смелость и напористость дяди Устина, этого тихого с виду мужика.

— Ребенок-жеребенок... — пробурчал директор и, уже успокаиваясь, сказал дяде Устину: — Ты его сам, с главным инженером, куда-нибудь определи, только подальше от техники.

И Володьку определили: к вальщику леса толкачом. Вальщик Семен, угрюмый сутулый детина лет под тридцать, с желтыми глазами-щелками на широком скуластом лице, принял Володьку нелюбезно. Сунул ему в руки березовый трехметровый дрын:

— Толкай!

Сам взял бензопилу “Дружба”, дернул стартер, мотор взревел. Семен подошел к здоровенной ветвистой ели, расставил пошире ноги, цепь пилы яростно начала вгрызаться в ствол. Ветер, как назло, дул с противоположной

стороны, и ель никак не хотела валиться. Володька изо всех сил толкал ее. Наконец, она рухнула, накрыв их с вальщиком студеным облаком, снежная пыль завихрилась в воздухе, она лезла во все щели в одежде, за ворот и холодила тело. Подошли к следующей — свалили, затем еще к следующей — свалили, и не было этим деревьям счета. Володька устал, взмок, но не выпускал толкач из рук. Уперев конец толкача в живот, напружинивался, всем своим худым телом подростка давил на деревину, та сопротивлялась, трещала, угрожала упасть в обратную сторону, но из последних сил Володька одолевал ее, и она, вначале медленно, нехотя клонилась, затем набирала скорость и с шумом валилась в снег.

Неожиданно его кто-то дернул за рукав:

— Ты что-о это делаешь!?

Перед ним стоял мастер, невысокий крепыш, в пальто с воротником, из кармана которого торчал блокнот, и шапке-бекеше.

— Если елка пойдет в противоположную сторону, она проткнет тебя толкачом насквозь.

Он отобрал у Володьки толкач, взял его, как винтовку, наизготовку, приставил к дереву:

— Вот так нужно. Если деревина пойдет на тебя, ты будешь в стороне. Понял?

Володька мотнул головой. Он зримо представил, как огромная ель падает на него, а толкач-кол пригвозждает его к земле, пропарывает ему внутренности. “Как леща острогой!” — холодный пот выступил у него на лбу.

— Семе-ен, а ты что не показал ему, как надо работать? — мастер внимательно посмотрел на вальщика.

Тот что-то буркнул в ответ и продолжал копаться в моторе пилы. “Вот сволочь!” — возмутился Володька подлостью вальщика, но смолчал.

С первой полочки Володька купил себе шапку. Настоящую! Базарскую, как бы сказали у них в селе, шитую на фабрике, а не местным деревенским скорняком. Шапка была высокая, темно-коричневая, мех ровный, мягкий, так и сиял, переливался под рукой. Правда, верх был матерчатый, но из добротного толстого сукна и такого же, как мех, цвета. Володька прямо у магазина выбросил свой истертый грязный малахай. Шапка преобразила его, он, казалось ему, стал выше ростом, стройнее, похож на настоящего кавалера. “Э-эх! Еще бы пальто с воротником купить... — Он с неудовольствием посмотрел на свою потрепанную телогрейку. — Тогда бы все девки мои были...”

Он пришел в общежитие, куда перебрался от дяди Устина, открыл свою комнату. Она была пуста. “Все ушли в кино, — догадался он. — Сегодня ведь воскресенье — отдыхают”. Он скинул телогрейку и направился в комнату девчат-дорожников: ему не терпелось похвастаться обновкой. Расхлебнул дверь и очутился в полумраке просторного помещения с двумя рядами железных коек. Окна, выходящие на улицу, были зашторены, лишь в левом углу белел квадрат окна, но он был отгорожен простынями. “И здесь никого!...” Раздосадованный Володька повернулся на выход, но певучий женский голос остановил его.

— Кто-о та-ам?

Этот голос он мог бы узнать из тысячи других, это был голос Оксаны. Он направился в левый угол. Оксана сидела на койке, вязала шерстяной чулок. Койка ее стояла возле окна, выходящего на пустырь, сразу за которым темнел лес.

— Здравстуй! — тихо поздоровался Володька.

— Проходи-и, сидай. — Оксана улыбнулась и показала на стоящую рядом с койкой табуретку.

Володька сел, его сковала робость.

— О-ой, да какой ж ты сегодня гарный! Обно-овку купил?

И она без всяких церемоний потянулась к нему, покрутила на его голове шапку, затем сдвинула ее набекрень, клоня свою голову в венце пышных волос то влево, то вправо, приговаривала:

— Парубок! Жени-их! Осталось невесту шукать...

Койка была выше табуретки, и когда Оксана наклонялась, чтоб поправить шапку, ее высокая грудь едва не касалась лица Володьки, он даже обонял запах ее тела. Она, его желанная, о которой мечтал все последние дни, была рядом. Он не выдержал, сбросил шапку, сел рядом с ней.

— А невеста уже есть!

— Кто она? — глаза Оксаны удивленно расширились.

Он впервые так близко видел ее глаза, отмечал, что они вовсе и не черные, а темно-карие, точно две крупные ягоды черемухи, они влекли его к себе, завораживали, будоражили кровь. Душа его ликовала.

— Ты-ы...

Она вскинула вверх брови и тихо, как-то отстраненно засмеялась, будто речь шла не о ней.

— Я для тебе старая.

— Нет, не-ет! Ты лучшая на свете, самая баская...

Она отрицательно качнула головой, хотела что-то сказать, но Володька не дал, он обнял ее и губами прильнул к ее алеющему рту.

Он неловко поцеловал, губы ее не ответили на ласку, но и не сжались. Она, видимо, была озадачена неожиданным поведением Володьки и лишь через минуту отодвинулась от него. Но он, возбужденный ее близостью, опять обнял ее, и она не оттолкнула. Он впервые целовал женщину, целовал страстно и неумело. Затем перекинулся на шею, в то место, где под тонкой кожей трепетно пульсировала жилка. Расстегнул пуговицы на ее белой, вышитой украинским узором, кофточке, просунул руку внутрь, одновременно покрывал ее лицо поцелуями. Она молчала. Вот его рука добралась до груди, ощутила нежность и бархатистость упругого холмика. Распаленный, он опустил ее еще ниже, но получил по рукам:

— Нэ балуй!

Она позволяла ему прикасаться ко всему, что выше пояса. Она возбудилась и сама, лицо ее разгорелось, глаза покрылись влажной пленкой, она отвечала на его ласки, обнимала, горячо целовала: “Коханный мий!”, но только он пытался перейти заветный рубеж, как она молча отстранялась, замыкалась в своем таинственном мире.

Оборвал их объятия скрипучий голос соседки, зашедшей в комнату:

— Живой кто есть?

В последующие дни Володька пытался договориться с Оксаной о свидании, но она вела себя как-то странно, отвечала уклончиво, шутками, делала вид, что между ними ничего не было. Однажды вечером он увидел ее с Семеном, его вальщиком. Они шли по заснеженной улице поселка, то пропадая в темноте, то появляясь в желтом свете, льющим из окон домов. Семен держал ее под ручку, что-то весело рассказывал, она негромко смеялась и мило прикрывала рот варежкой. Одеты были солидно: оба в зимних пальто с цигейковыми воротниками, черных валенках, в богатых шапках.

Первым желанием Володьки было броситься на Семена, затолкать его в сугроб, а самому подхватить возлюбленную и идти с ней вдоль нескончаемой улицы, долго-долго, и никогда не расставаться, до самого конца жизни. Но он чувствовал, что ему не справиться с заматеревшим соперником — слабоват он еще в свои пятнадцать лет.

Отношения с вальщиком испортились окончательно. Оксана, видимо, намекнула ему, что Володька влюблен в нее, а может, девки ее бригады “почувствовали” ему, и тот решил избавиться от Володьки.

Для того чтобы дерево легче было свалить и, главное, направить в нужную сторону, с обратной стороны запила делается надрез. Володька стал замечать, что Семен надрез стал делать меньше и уже. Валить дерево стало труднее. Володька сказал ему об этом. В ответ Семен сквозь зубы процедил: “Какие положено, такие и нарезаю!”

Попалась здоровенная сосна: высокая, прямая, в диаметре — метр. “Барыня!” — залюбовался ею Володька. Когда бензопила прорезала ее полнотью, она никак не хотела падать. Володька из последних сил давил на толкач, но сосна скрипела, качалась и ни за что не желала валиться в кучу своих “сестер”. Вдруг с противоположной стороны налетел ветер, сосна

вздрыгнула, как живое существо, и с треском повалилась на Володьку. Он успел отскочить. Снежной волной от упавшей деревины его бросило наземь.

Когда очухался, увидел ухмыляющегося Семена, тот заранее отошел в сторону, его даже снегом не закидало. “Га-ад! Специально подстроил, надрез мелкий сделал...” Володька кинулся на вальщика, но тот увернулся и ударил его в голову, опрокинул в снег. Володька поднялся, сел на толстый комель сосны. Снял варежку, зачерпнул ладонью снег, охладил разгоряченное лицо. Стал приходить в себя, успокаиваться. Осмотрелся. Возле пня валялась половина пилы с мотором и бензиновым бачком, вторая половина торчала, зажатая между пнем и сосной.

— Натворил делов, сала-ага! Плати-ить будешь! — Семен пнул исковерканную пилу.

— Вреди-итель! Ты са-ам ее сломал! — Володька вскочил, схватил валявшийся неподалеку дрын-толкач, пошел на супротивника.

Но Семен уже уходил с лесосеки, увидев перекошенное в ярости лицо Володьки, счел за лучшее ретироваться.

— Тру-уе! Обмы-ылок! — Володька с остервенением плюнул вслед вальщику, отбросив дрын в сторону.

“Молод он еще, силенок маловато, чтобы работать в лесу”, — сделал заключение директор леспромхоза и перевел его коновозчиком. Новая должность не нравилась Володьке, она до боли зубной была знакома ему по колхозу, с малых лет он боронил, сенокосил, возил навоз на лошадях.

С утра он шел на конбазу. Конюх-татарин, кряжистый седой дед, выводил ему мерина, под стать себе, такого же старого и сивого. Бегать Варнак, так звали мерина, уже не мог, но был тушист и силен. В обязанности Володьки входила перевозка хлеба из пекарни в столовую, детский сад, магазин и снабжение их дровами. Со всеми этими обязанностями он справлялся играючи, до обеда выполнял все заказы. Скука одолевала его. Ну, что за наказание ежедневно разъезжать по бесплодным, знакомым до одури улицам поселка, слушать, как топает по утрамбованной дороге толстыми ногами тумбами Варнак, как через определенные промежутки вываливает под передок саней дымящиеся “яблоки” да старчески пускает газы. Прохожие подтрунивали над ним: “Водитель кобылы!”. А девчонки откровенно смеялись. В такие минуты Володьке хотелось провалиться в тартарары, от стыда он на двигал шапку на глаза и отворачивался.

А тут случилось и вообще непредвиденное! Вез он в магазин полный фургон хлеба. Дорога шла под уклон. Варнак размеренно топал ногами, крепко держал напиравший сзади воз. Володька, закинув ноги на облучок, беспечно развалился в передке. Мечтал об Оксане... Глянул вперед, обомлел: “Вот и она!” Оксана шла ему навстречу. Володька подскочил, как ужаленный, встал на колени, мысли, обгоняя одна другую, закружились в голове: “Свернуть, скрыться! Если увидит меня на этой кляче — позор! Сра-ам!...”

Но ни свернуть лошадь, ни скрыться было невозможно: проулка не было, с обеих сторон возвышались нагребенные бульдозером горы снега. Тогда Володька схватил вожжи, огрел Варнака вицей, тот и ухом не повел, продолжал так же спокойно идти по дороге. А Оксана приближалась, он уже различал ее лицо, и даже цвет сумочки в руках — бордовый. В ярости он схватил палку и ткнул Варнаку под основание хвоста — в репицу. Варнак от боли и неожиданности присел на задние ноги, затем по-молодому прыгнул и поскакал вскачь, фургон качался из стороны в сторону, сани заскрипели, передок затрещал, ветер засвистел в ушах Володьки. “Как бы не стоптать ее, мою залетку!” — озаботился он. Оксана, прижавшаяся телом к сугробу, мелькнула и исчезла, кажется, не видела его: он успел нырнуть в зашитый досками передок саней.

“Уф-ф, пронесло!” Володька поднялся, натянул вожжи, но Варнак продолжал скакать что есть мочи, он не мог уже затормозить несущийся под гору воз. На повороте сани накренились, что-то застучало, захотело в фургоне, Володька глянул вбок — из раскрывшихся дверок пулеметной очереди сыпались на дорогу буханки хлеба. Наконец, остановил Варнака. Подавленный, сидел несколько минут не двигаясь, затем развернул лошадь, поехал

сбирать рассыпавшиеся по дороге буханки. Собрал. Но кто-то из жителей видел это, доложил директору. Его уволили из леспромхоза.

Володька складывал в котомку свои пожитки. Собирался в дорогу, к себе в деревню. В комнате никого не было. Вдруг дверь скрипнула — на пороге стояла Оксана. Володька оторопел, он никак не ожидал такого визита, хотя ему очень хотелось увидеть ее. Она подошла, поерошила рукой по Володькиным волосам, рука ее была теплая, мягкая, тихим грудным голосом спросила:

— Уезжа-аешь? — Володька растрогался.

— Да... — прошептал он.

— Прости мне, Володенька! Ты еще юный, немає у нас будущего. Не переживай, найдешь себе еще дивчину...

Володька сидел, как пригвожденный, не зная что делать в этой безнадежной ситуации. Молчал, язык будто прирос к гортани.

— Давай я тебе поцелую напоследок, сероглазенький мий...

Она нагнулась, Володька ощутил на щеке горячее прикосновение ее губ. Затем резко выпрямилась, Володьке показалось — в глазах ее стояли слезы. Распахнула дверь, вышла.

— Етишкин ма-ак! Я тебя никуда не отпущу. Не дам сироту обижать! — в отчаянии бил себя в грудь дядя Устин. Немного успокоившись, продолжил:

— Директор-от тоже хорош: своих-то детей в лес не пошлет, он одного по направлению леспромхоза в институт устроил, второго — в техникум, а елки пусть пилят другие, пусть другие наживают грыжу на лесоразработках, выполняют лозунг “Даешь стране древесину!”. У меня робят шестеро, куды я их?! На делянку, лесорубами! Учить средств нет! Директор оброс жирком, бюрократился, забыл, как клялся на фронте, — мы ведь с ним в одной роте воевали, — помогать семьям погибших воинов. Мог бы послать тебя от леспромхоза на курсы механизаторов али в техникум. Так не-ет, своя рубашка ближе к телу. Ничего... — взбодрился дядя Устин. — Переживем! А тебя я на рейд устрою.

Верховской славной рейд находился в трех километрах от Зорянки, на Каме. Это был целый город, с одним отличием от остальных — все здания в нем были деревянными. Неисчислимые кубометры леса отправлял он летом плотами вниз по Каме, Волге до самого Каспия. Так как у Володьки не было ни справки из колхоза, ни паспорта, его временно взяли в бригаду бичей, людей без постоянного места жительства, перебивающихся случайными заработками. Копали они на берегу реки камень для ремонта дорог. Работа тяжелая, инструмент — кайло, лом и лопата.

Целыми днями махал Володька кайлом, иступленно бил в каменную твердь берега — аж искры летели, отщипывал кусочки, сгребал их в кучу. Уставал страшно, к вечеру ни рук, ни ног не чувствовал, а до нормы выработки никак не дотягивал. Каждый вечер приходил нормировщик, здоровенный краснощекий дядька, хорошо одетый, в галифе, на ногах — начищенные хромовые сапоги. Замерял Володькину кучу, насмешливо окидывал его взором, презрительно цедил:

— Ма-ало. Надо стараться!

“Стараться надо в уборной!” — хотелось крикнуть Володьке и захватить кайлом в эту разожравшуюся морду.

Недели через две Володька втянулся в ломовую работу, уставать стал меньше. А тут и получка подоспела. Бичи “загудели”. В бараке, где они жили, водка лилась рекой, дым от папирос висел коромыслом. На работу никто не ходил, начальство не появлялось, знали, что бичи, пока не пропьют все деньги, трудиться не выйдут. Володька в загуле не участвовал. Купил себе лыжи с палками, ходил в лес, бегал по лыжне. Ему всегда хотелось быть спортсменом, ставить рекорды на соревнованиях — на школьной лыжне он часто был первым, но условий для роста мастерства в селе не было, да и лыж настоящих, фабричных тоже, бегали на самодельных, тяжелых.

Володька проснулся бодрым, радостным. Внутри его все ликовало, сладкие мечты носились в голове. Вчера на лыжне он познакомился с девушкой. Лиля — звали ее. Она сразу приглянулась Володьке — стройная, улыбчи-

вая, с лукавым взглядом синих глаз, в зеленом пальто и такого же цвета шапочке. “Как березка!” — любовался ею Володька. Он, по всему, ей тоже понравился. Весело болтая, они ходили по сказочно-красивому лесу, катались с высокого берега на лед реки. Договорились встретиться сегодня, там же.

Володька по-быстрому умылся, позавтракал, начал собираться. Хватя рукой за шапку, а шапки нет! Повернулся к стене — телогрейка висела на гвоздике, а шапки не было. “Наверное, закатилась под койку”. Полез туда, и там нет. Осмотрел весь барак, нигде не нашел. Предчувствие беды холодом прокатилось внутри него.

— Кто шапку взял?!

Никто не ответил. Бичи маялись с похмелья, кричали, курили. Он подошел к двоим, сидящим друг против друга на продавленных сетках коек, как в люльках. Они пили чифир.

— Где моя шапка?

— А мы откуда знаем?! — рыжий плечистый парень зло посмотрел на Володьку.

— Куда ж она делась?!

— Ты че-ё нам допрос устраиваешь? — второй детина с рыхлым бабьим лицом и такой же округлой фигурой повернулся к Володьке. — Сосунок! Кана-ай отсюда! Дверь в барак всю ночь открыта — заходи, что хошь бери... А он ищет!

Володька отошел. Голова отяжелела, мысли бились в каком-то тумане. “Прощай, свидание, куда я без шапки! Что делать?..”

— Эй, пацан, иди-ка сюда! — окликнул его рыжий. Володька подошел. Тот вытащил из тумбочки шапку:

— Купи-и. Недорого отдам — сорок рублей.

Володька глянул, узнал свою шапку.

— Отда-ай, это моя шапка! — он кинулся к рыжему. Тот отвел руку с шапкой за спину.

— Ты че-е, пацан, мухоморов объелся? Его шапка! Да я ее вчера в универмаге купил. Во свидетель! — он кивнул на собутыльника.

— Да-а! — важно изрек тот.

Володька понял, с ним сыграли злую шутку, по-доброму шапку они не отдадут.

— Моя шапка, никакая она не новая, вон правая тесемка оборвана! — Внутри его все кипело от обиды.

— Сорок рублей — и шапка твоя, или чеши отсюда. Деревья!

Володька бросился на рыжего, свалил его на койку, но шапку отобрать не успел: второй схватил его за ворот пиджака, опрокинул на пол. Володька вскочил, кинулся на обидчиков, но силы были неравны. Они снова сбили его на пол, испинали ногами.

Володька подсчитал потери: рубашка порвана, пиджак треснул по шву, пуговицы с него отлетели, все тело ныло от побоев, на щеке — ссадина. “Судьба, с-сука! Одни подзатыльники...” Перед ним неожиданно, будто добрый ангел, всплыл образ Лили, она стояла в заснеженном лесу, лучи мартовского солнца освещали ее нежное лицо, она приветливо махала ему рукой, звала... “Прощай, любовь... Куда я в таком виде?! Домой, к матери надо идти”. Он отдал рыжему последние деньги, забрал шапку.

На следующее утро встал на лыжи, покинул Верховской. Пересек Каму и по узкой, плохо проторенной, конной дороге направился в родное село. Лес чередовался с полями, солнце тускло проглядывало через небесную хмарь. Володька устал. Болело избитое тело. Хотелось есть. Но есть было нечего. Под конец пути силы совсем оставили его. Он уже не мог двигать лыжами, казалось, они стали чугуными. Тогда он снял их, закинул на плечо и побрел дальше. Не дойдя километра два до села, он свалился в сугроб: ноги дальше не несли, отказались двигаться. Чтобы восстановить силы, он стал есть снег. Не помогло. Отчаяние овладело им: “На виду у дома — умирать. Найдут завтра замерзший труп...”

Вечерело. Мороз усиливался. Надежды, что появится подвода или путник, не было — на ночь глядя в дорогу не трогаются. Но судьба решила сжа-

литься над ним. Со стороны села показалась фигурка человека. Володька даже сел. Фигурка все приближалась и приближалась, и вскоре он узнал Кольку Копенкина, единственного ученика соседней деревеньки Белкиной, ходившего в школу в их село. За спиной у Копенкина громоздился мешок. Он подошел, поздоровался, круглое конопатое лицо его расплылось в улыбке.

— У тебя поесть нечего? — без долгих объяснений спросил Володька.

— Хлеб только. У нас в деревне магазина нет, вот я и таскаю из села.

— Давай.

Володьке даже говорить было трудно.

Копенкин снял мешок, вытащил буханку черного хлеба. Володька оторвал кусок, с жадностью начал есть. Хлеб еще не успел замерзнуть, шибал в нос духмяным запахом, корочки хрустели на зубах. Умял половину буханки, насытился. Чувствовал, как силы возвращаются к нему, как энергично побежала по телу кровь, задвигались руки, ноги.

— Спасибо, бра-ат! Ты прямо от смерти меня спас. Нет мочи, не могу идти — хоть тресни. Скажешь родителям, что я хлеб съел. — Володька вернул ему остаток буханки. Мальчишка застеснялся, захолопал ресницами:

— Ничо-о. Никто ругать не будет, у меня тут еще две буханки.

Он закинул мешок на спину.

Володька прижал мальчишку к себе, и они разошлись в разные стороны.

Вот и дом. Володька поднялся на крыльцо, оставил в сенях лыжи, вошел в избу.

— Ну что-о, наработался на производстве, сы-ынок?! — встретила его мать у порога.

— Наробо-отался... — Володька устало, неторопливо, как взрослый мужик, опустил на лавку. — Осенью я учиться пойду в лесной техникум.

Мать с бабушкой смотрели на него, не зная — плакать им или радоваться.